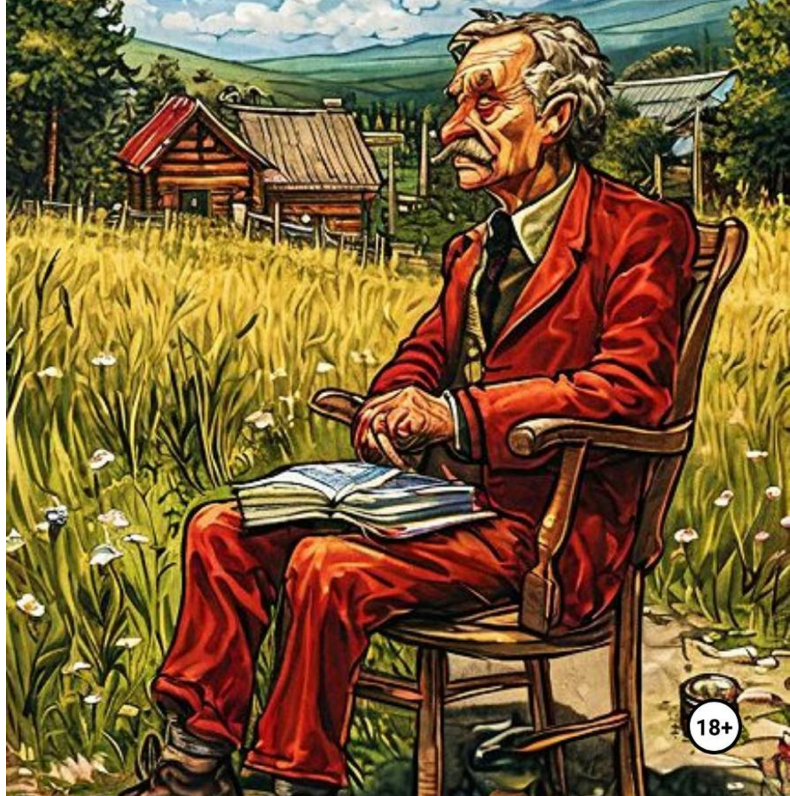

Виктор Шешников

Веселые рассказы

18+

Виктор Свешников

Весёлые рассказы

<https://litres.ru/74258938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация

Четвёртая книга из серии "Рассказы". Подборка юмористических опусов на различные темы. Ещё несколько рассказов о Парамоне Жуковском, сельском пьянице и лодыре, но обладающем богатой фантазией и воображением. Показан разговорный лексикон одной из областей России. Есть и городские страсти.

Содержание

Женитьба	6
Сексуальная терапия	18
Простатит	22
Улёплый	28
Синенькие (баклажаны)	34
О Парамоне Жуковском	41
Йети и Парамон	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Свешников

Весёлые рассказы

Для обложки применена картинка [Pixabay License](#)

Бесплатно для коммерческого использования.

Указание авторства не требуется.

К читателю 20

В первой части этого издания, которое состоит только из юмористических рассказов, представлен деревенский быт, самобытный говор, присущий центральным областям России и в частности Воронежской. Лексикон и юмор, в котором мы не замечая того, находимся повседневно. Городскому читателю воспринять это несколько затруднительно (больно необычно звучат некоторые слова), а деревенские жители не видят в этом ничего особенного (потому, что сами так разговаривают), разве, что смешны некоторые ситуации. Но это повседневная реальность большого количества людей. Для городских я попытался "перевести" этот необычный язык на нормальный. Немного непонятного "говора" я всё же оставил, так как иногда невозможно передать комичность ситуации без соответствующих слов и наречия.

"Колхозный "юмор"

Женитьба

Однажды, подходит ко мне мой товарищ Василий, по прозвищу "Художник". Он постоянно напевает слова из песни "Миллион алых роз". Работаем мы вместе — "дальнобойщики". Подошёл он, не напевая песенки. Это значило: что-то не так!

— Иван, можно тебя на минутку?

Я вылез из-под тягача.

— Слушай, надо со мной съездить в соседнюю область. Жениться думаю! Ты машину сможешь найти?

— Смогу, — ответил я, — мой приятель, два дня назад купил, но я её ещё не лицезрел. Думаю, он мне не откажет.

...У дома друга я увидел "Газель" — цельнометаллический фургон. На нём, при соответствующем окрасе, выделялась надпись: "Ритуальные услуги". Из дома вышел Олег:

— Смотри, какая красавица! Почти новая! Попала под "сокращение"! Закрашу надпись, грузи полторы тонны и вперёд!

— Олег, мне нужна машина на субботу.

— Какой разговор, Иван? Бери и объезжай!

...Шестой день недели, утро. Выруливаем со двора друга на его необычном автомобиле (надпись он не закрасил). Тачка не разбитая, ехать приятно, но люди косятся. По лицу Художника ходит улыбка:

— Я случайно познакомился с Тамарой. А потом она со мной в трёх рейсах ездила. Теперь вот решили пожениться. Так, что ты вроде, как сватом будешь, — объявил Василий.

К обеду мы подъехали к указанному им жилью, в Филиповке. Никто не выходит, тишина. Подошла старушка:

— Кто умер-то, мил касатик?

— Никто, — говорю, — в гости приехали.

— Это к кому же такие родственники? — подошёл мужчина из рядом стоящего дома.

— Мы к Тамаре, — Художник указал на дом.

— Никакой Тамарки тут нету! — объявил сосед, косясь на нас, — что-то вы темните! Зачем обманываешь? Сколько я знаю, на нашей улице ныне никто богу душу не отдал и не собирается пока отпускать её от себя!

— Да мы действительно в гости..., — начал я.

— К кому же вы тады приехали? — перебил меня дотошный мужик. — Тут проживает учителька наша Нина Палына: образованная женщина, а не какая-то ваша доярка Тамарка.

Вокруг нас уже толпа. Люди, с осуждением глядя на нас, переговариваются, кричат:

— Говоритя, кто помер? Вы сродники, наверно? Ишь ты, хотят втихую украсть и закопать! Сэкономить на поминках, значить! Сельчане, не допустим бязбожную безобразию: у нас всягда поминать надо и потому выпивают за своих покойничков! — выпалил хлипкий мужичок с фиолетовым носом.

Все загалдели:

— Да что же это, — слышен голос, — жил, значить, покойник тут, а самогон хлястать в другом месте будуть!

— Подождите, ... — пытаюсь я вступить в разговор, но мне не дают.

— Ды что с ними баландыть, у нас тут проживають все свои, и мы ни отдадим нашего покойника просто так, без вся-во! — неожиданно закончил речь пьяный мужик с красным носом, — давайте "выкуп"! Гоните магарыч, жмоты гырадские!

Толпа прибывает, на улице галдёж. Василий стучит в дверь дома.

— Ох, батюшки! Так, значить, Палына пымярла! Ой, какая была женщина! — запричитала одна селянка. — Ды когда жа, ды как жа? Бабы, мужики! Палына преставилась! — объявила она, крестясь. — Госпыди, упокой её душичку, хороший была человек!

Ватага уже гудит, воеет, стонет. Отовсюду бегут жители села.

— Ды как же это так, ды когда же? А кто жа узнал-то об этом? Успели уже и родственникам сообщить! А мы рядом прыживаем и ничяво не знаем, — женщина умывается слезами. — Ды что же эта за люди, зы такие! Нихто не придётъ, не скажить! Ох, и злыдни! Ах, грех-то, какой: позднее всех узнала об этом!

У меня язык присох к нёбу.

— Палона, Палона, — запричитала одна из женщин, — прости меня, долг-то я не успела тебе отдать! Три рубля-то твай, теперь у мене остались, всягда помнить буду об этом.

— И мене прости, — подвывает рядом женщина, — я тваю козу палкой драла на своём, ны огороди. Уж так её иссякла! Она маю капусту испаганила, сучара акаянные!

— Откуда же вы приехали? — сквозь слёзы и рыдания спрашивает голосившая женщина, — кем же вы нашей Палыни приходитесь? Брат, наверное? Никогда вас ня видела у ней. Ох, ды померла она одна, население ничяво ня знать, и никто ей бедной глазыньки-то не закрыл! И ведь сама никому, ничяво не сказала: молчкём всё! Так откуда же вы так быстро добрались, уж не из Поповки?

— Из соседней области..., — говорю.

Она меня перебивает:

— Ой, дыляко! А когда же вы о смерти-то прознали?

— Успокойтесь, не смотрите на машину, — вставляю я, — она совсем ни при чём. Мы...

— Ды брешить он, пы яво морде видно, што совсем избряхалси! — перебивает меня пьяненький, — говорю: тайкём хотять забрать нашего покойничка, бяз выпивки! Не отдадим, братцы! Какая женщина была покойница! Нас, маломочных (пьяниц), никогда не обижала, завсягда выручала, никому не дала преставиться. А тут, на тебе: увезти хотять, ды ещё и тайкём! Ишь, дяляги! Гырадские жадные все, бить их надыть! Денег много зарабатывают, а вон, какие жмоты!

Никогда милостыню не подадут, сколько живу, ни разу не налили!

Меня затягивает в разговор:

— Ну, почему тайком? — кричу я, — мы же в открытую подъехали. Днём, не ночью. И бутылка у нас есть.

— Ну вот, видится, он уже сам признался! Ведали значить, зачем пёрлись суда. Колька, ты рядом с гырадским стоишь, нука возьми у сквалыги эляксир здоровья ды давай-кя сюда, скорей. У мене уже трясучка начинается, рукой ничяво паймать ни магу. Ванька, залезь в мой карман, у мене там яблыка ляжить, ны закуску. Видишь, как хорошо, что мы быстро собрались, хоть фунфырик ды содрали за Палыну, няхай ей на энтот свете хырашо будить! А нято, упёрли бы они нашу жмурную Нинку без всяких откупов. А потом посвищи ветра в поле, там толька туман, ды волки голодные бегють! Пывязло нам: с утра ня знали, где сивухи достать, а тут на тебе — водчишка! Палына удружила нам напоследок.

Печальное общество рыдает и воет: хорошая была "Палына" и каждый норовит показать своё отношение к "покойной". К скорбящей публике подбегает женщина в белом халате: глаза на лбу.

— Почему собрались, плохо кому-то, что ли?

— Ой, Вылянтина, свет Пятровна, — голося, приникает к медработнику одна из женщин, — ды горя-то у нас, какая! Училка наша, Палына, преставилась! Осиротели наши детки лыбатрясы.

— Постоите, как пымярла? Я же утром с ней здоровкалась.

— Ох, Пятрона, Пятрона, — всхлипывая, встревает в разговор другая женщина, — ды долго ли сычас богу душу-та отдать! Нябось, уже и могилку копають! Так-то типерь: где шёл, там и упал, и помер, и никто руки ни подасть!

Половина толпы, забыв о нас, разбилась на кучки по несколько человек. Из одной такой кампании слышно:

— Сматритя, уже и фельшарица прибежала, значит, правда кандюк Палыни настал! — и кричит: — позна пришла, Пятрона, позна!

Выпивают прямо из горлышка, чтобы "зямля пыхом" стала. У трясущегося мужика, дождём, полились слёзы и он, сквозь всхлипывания, подал команду:

— Колькя, заводи Мишкину, жалистную, со звоном кылыкалов, самое время подошло!

И вот над толпой пьяно зарыдала пародия на песню М. Круга: "А ты прасти мне, прасти-и..., и пускай звенять в душе кылыкала-а...".

— Ды вы что делытия-та, алкоголики нящастныи, разве можна петь на пыхыранах! Совсем ум пропили, пьяницы!

— А что, тётка Лукерья, уже и гроб привезли, что ли?

— Конечно, — за покойниками бяз гроба ня ездить, дураки....

Внезапно открывается дверь дома, на пороге появляется крупная женщина и что-то объясняет обескураженному Ху-

дожнику. Тот говорит с ней, и она указывает в сторону. Вокруг наступила кладбищенская тишина. Люди начали креститься, отдельные сельчане даже отбежали назад, видимо, от греха подальше. Несколько пожилых дам и вовсе повалились. Раздался звук падающей бутылки.

— Га-а, сматрится, бабы, придвидение Палыны образовались! Это хфантом! — крикнул тщедушный старичок, — я знаю, так бывать!

— Госпыдя, видна ня хочить нинаглядная наша на энто свет иттить. Ай, бедная, Нина Палына, мученица ты наша общественная! — завывла не своим голосом одна из женщин, крестясь и отступая от "покойницы". Споткнувшись о чью-то ногу, баба, с испуганным криком, растянулась среди людей.

"Палына" подозрительно оглядела толпу и заругалась:

— Вам что, делать нечего? Зачем тут собрались? Чужих людей не видели? Расходитесь! Что вы, возле моего дома, митинг с песнями организовали, да ещё и кабак устроили!

Тут появился небольшой, худого вида, кобелёк. Приблизившись к ноге "училки", он принялся подозрительно обнюхивать, а затем, начал пристраиваться к ней, приподнимая лапу с явным намерением обмочить носок "Палыны".

Один мужик, увидев его действия, завыл не своим голосом:

— Граждане, сяльчаны, точно придвидение эта, фынтамас! Каблов ни обманишь, они ня писсуть на живых! Гляди-

тя, кабыздох пыливаить на ейную ногу! Пашла атсюда, курва, иди на энтот свет, нечива тебе тут пысряди живых акалчиваться! Вишь ты, ванпиром она стала! Потому как только они и оживать могут. Мужики, сматритя, можить в горлу вцапиться! Бабы, крястите её, кровопийцы дюжа ня любять этыва! Эх, кабы кол осиновый был или железяка серебрянная, я бы тогда показал этому упырю яво энтот свет! Враз отправил бы туды!

Сзади, к "ванпирixe" подкрался пьяненький мужичок и боязливо ткнул её пальцем в зад. Нина Павловна резво повернулась и отвесила неверящему своим глазам дебилу, звонкую оплеуху.

— Живая она, граждане! Вишь, какая бойкыя! Ой, как больно хряснула пы маёй па морди! — завопил мужик. — Ды ты што, разве так можно, Палына! Чуть не убила мене! Ой, как сыданула, рожа вяликим агнём гарить! Ну и што, как училка! Подумаешь, разок только к жопи притронулси, дажить и ни пыдяржалси. Ишь, принцесса!

— Ты что руки распускаешь, козёл пьяный, я тебе дам принцессу! Ну-ка пошли по домам, пьяницы, нето сейчас кобеля спущу! — пригрозила, не понявшая до конца ситуацию, женщина (то ли ещё было бы!) и пошла к дому.

Толпа заволновалась, видимо, некоторые помнили о последствиях встреч с её собакой.

— Уже уходим, Палына. Пошли, мужики, у ней боксёр, что тялок, мигом наши дырявые штаны спустить. А там и до

гянталиев нидыляко, в момент отгрызёт, оставит никудышными, окаянный.

— Ды ты, что жа это, паганец такой, тут набрехал!

— накинулась на меня женщина, которая сама, же и объявила о смерти "Палыны". — Разве так шутють? Правду гыварять, что гырадские хамлеты, совисть пытяряли. Оно и видно!

Я пытался что-то сказать, но мне не давали открыть рот. Что я только не услышал в свой адрес! Какие у нас непредсказуемые люди!

Один мужик кричит:

— Вы зачем на мертвяцком катахвалке к нам припёрлись? Теперь, точно ктой-та помрёт, пытаму как яму мертвяки всягда нужны! Бяда пы сялу пойдёт от этой машиняки!

Другой:

— Верна, примета дюже плохая, исжечь рыдван надыть! — выдав заключение, дурак достаёт спички и лезет под машину, к баку с бензином. Я тащу его за ноги и кричу:

— Ты соображаешь, что делаешь, идиот пьяный? Бензобак взорвётся, на воздух взлетишь вместе с машиной, и люди невинные пострадают!

Он сучит ногами, бьёт ими меня по рукам и надсаживает-ся пьяным голосом:

— И няхай памру, на миру и смяртушка красныя! Зато обчество избавлю ат этого вонючего дохляцкого автомобиля, и Палыну тогда никуда не увезёте!

Вытащив его и дав, пинка, я громким голосом объявил:

— Люди, никто здесь не умер, зря вы паникуете! Мы приехали в гости к вашей Павловне, она жива и здорова!

...Подходит Василий и говорит:

— Ошибся я, Иван, дом похожий. Был я здесь всего один раз. Женщина сказала, что Тамара живёт на соседней улице.

— Ох, Василий, меня едва не убили....

— Ну, што, живая? — спросил маленький старичок, представив к уху руку, — ошибышний вызыв?

— Жених к вашей Тамаре приехал, — объявил я ему, — понимаете, будущий муж!

— Ух, ты, значит у Палыни и ухажёр был? А что жа он, раньше-то, не приязжал, не в кутузке ли отсиживылся?

— Нет, не в тюрьме. Потерялись они друг от друга. А теперь вот встретились, — объяснил я.

— Ах ты, мать чясная! — удивился дед, — вон как бываить! И насколько они рызашлись?

— На десять лет, — наугад ответил я.

— Ишь ты, надолго! Вот ведь истории, какая случаются!

— удивился дед. — А машиняку-то, милок, зачем выбрал такую? К любе на подобных не ездят, а народ бударажите!

— подытожил дед и пошёл по своим делам. Убедившись, что Палына жива, начали расходиться и остальные.

Мы переехали на соседнюю улицу. Деревенский телефон уже предупредил Тамару. Счастливая женщина, стоя у порога дома, обожаящим взором смотрела на своего любимого.

Глядя друг на друга, они забыли о моём присутствии и вошли в дом. У забора, рядом с машиной, уже стояло несколько человек. На лицах отражалось деревенское любопытство.

— Эй, мужик, вы кто такие? У нас сейчас жмуриков нету! — объявил один сельчанин, — с утра мне никто не званил.

— Николай, ды не за холодными они приехали, а жанить-ся на нашей Тамарке, панял? Хырашо-то как, выпивать на халяву будим? Свадьбу-то на когда назначили?

— Жаниться! Ды разве ны таких рыдванах приезжают сейчас! Теперь Мерседесы подавай. А где жа украшательства ны машини? Ни лентов, ни колец, да ещё и шарабан мертвяцкий! Не похоже на свадьбу. Эй, мужик, вы не из дурдома выскочили? Высмеют вас в загсе, лучше ни язжайте, жизнь будить плохая у молодых! А Тамарка—то наша ничяво!

В это время выглянул счастливый жених и крикнул:

— Иван, иди в дом, обедать будем!

— Сейчас приду, — ответил я.

— А жениха-то как завуть? — задала вопрос одна женщина.

— Эдмонд, — пошутил я.

— Ух, ты, прямо как графа Монтакриста в кино! Это надо же, сколько рамантики у Тамарки! — поразилась одна женщина, — а фамилия яво случаем ни Дантескин будить? — спросила она.

— Нет, я пошутил. Зовут его Василий, — сказал я.

— А, хрен редьки не слаще! — брякнул другой, ничего не

понявший из разговора, мужик.

— Ой, как я Тамарке завидывую! Теперь ей спать будут не давать. Щастливая! Хырашо бы и мне так жа! — мечтательно закатила глаза женщина, лет сорока пяти. — Дядька, можить ты и мне бы какого завалящива мужичкя привёз, в женихи! А то у нас-то все бисталковыи, алкашики пракля-тыйи. Ни у кого уже не маячить! Толькя сымагон хлещуть ды штаны мочуть. У всех уже мотня гнилая. А у некоторых ды таво истрепалось, что вся безобразия наружу видна, крючкём висить, посморщилысь и всё синия. Их хозяйство давно уже и самих-то ня греить! Што с них, калик убогих, взять! Алкоголики нясчасныи!

Нядавно привела одного: накормила, напоила, а он и уснул за столом, прапойца! Уж сколькя не теребила я его, как ни старалась, всё бестолку. Да привыкла уже одна, приспособились. А мужичкя настоящево, конешно, надо бы. Таскую я по любви, ох как страдаю! Пряма спать ни магу. Полночи сохну, а другую половину кричу в подушку. Вот, жизнь какая!

— Ладно, присмотрю вам кого-либо, — отшутился я и, извинившись, пошёл обедать. Василий с Тамарой были сами не свои. На их лицах отражалось счастье.

Вскоре мы уже втроём катили домой.

Сексуальная терапия

Посвящается шутнику, покойному
деду Слукину Василию Ильичу.

В последние годы, на лето я езжу в глухую деревню Воро-
нежской области. Там время остановило свой бег: и приро-
да, и люди другие, а уж говор их деревенский, как нигде. Со-
сед у моей хозяйки смешливый дед Василий Ильич. Скажет
иногда такое, что хоть стой или падай. И не поймёшь, шутит
он или всерьёз говорит.

Как-то иду я, не спеша, к дому. Старик сидит на лавоч-
ке под окном и зовёт меня. Я подхожу. Он сажает рядом с
собой. Мимо скорым шагом спешит уже немолодая, но при-
ятная женщина. Василий Ильич нарочито громким голосом
говорит:

— Смотри, Иваныч, как секыс действовать на бабу! Вот эта
дамочка — Анфиска, нядавно, прямо совсем помирала!

"Воскресшая" резко "тормозит". Дед продолжает:

— Бабёнка-то нягодная была по всем статьям, да! Спина
кривая ды горбатая, и ремантизм у ней был, и ноги прямые,
пытаму как в коленках не гнулись. Ходила, как на ходулях! А
наши бабы нядавно новую лекарствию открыли — секыс! Ну
и лечатся все кому не лень. И что стало? Посмотри на ниё:
Жаконда! Настоящая Лиза, даже и без всякой Моны! Вскоре

можить стать российской моделью мировой известности!

Женщина останавливается против нас и, приложив козырьком к глазам руку, делает вид, что смотрит куда-то вдаль. Василий Ильич громко продолжает:

— ...Ну, ды того помолодела баба, я прямо сам стал на неё завидывать. Посмотри, как хороша Анфиска! Гляжу, и сердце колотится. А всё секус! От него все бабы болезни проходят: и тоска, и депрессия. Говорять, что можить даже и любовь прийтить. Во как! Что деется-та! Как же им раньше-то не догадались их лечить. Всё говорили: у нас в СэСэС-ЭРэ секуса нету, а потому и проблем, с ним связанных.

Я спрашиваю:

— Василий Ильич, что-то не пойму: ты, о чём говоришь? О взаимоотношении полов? Или о каком медицинском препарате, с подобным названием?

Ильич отвечает:

— Так у нас тут это одно и то же. Секус, как лекарства! Но в частых приёмах и опасныя. Он же, как вредныя привычка. Тут владеть собой надо. Не совладаешь, затянуть, и станешь сексуальным наркоманым. А бабы, они слабые половые существа, особливо на передницу. Вот и маются от этого: и тоска у них, и пячаль, и всё прочее с депресией вместе. А от этого и балезни ихние, специальные.

Тут у нас один мужик есть: молодой ещё, но дюже тощий. Вот он мучениц и лечить. Когда жана у него была, она больных страдалиц не допускала к нямю. Сама видно каждый

день лячилась. Она была у него сердешница. Бывало во время сеанса кричить в окно: "Госпыди, сердце моё захаживается!" Да и не раз в день кричала. Потому, как видно залечилась и быстро померла. А она была уже пятая у него. Больше он не стал жаниться. А зачем? К нему страждущие бабы валом повалили, толька успявай, лечи. И откуда такое количество болезных взялось! Вон Анфиска стоит, подслухивыить нас с тобой. Крючкём была, вопросительным знаком! А теперь Мерялин Манрова! Хоть на выставку, в Парижу! Видно, дюже полезно ей сексуальную процедуру делить. Прямо сам завидую на неё. Жаконда! Эх, был бы я помоложе, подмогнул бы яму, лекарю-то. Дюже он худой стал. Жалко доктора. Все лекарства вытянули из него, бесовы отродьи. Бягуть, как мухи на мёд. Ни стыда, ни совести! Бывает дажить и здоровые, замужние прибегают. Кружится вокруг яво бабьё, как куры возле петуха. А иной раз, некоторые "больные" бабы прямо голосють! Отчяво, спрашивается? Ведь не помирають, а кричать! Каким гипнозом он на них так действовать? Вопрос! Путём логичецских мышлений я пришёл к выводу: значить, "лекарь" у няво хороший! Мой-то, к примеру, давно уже всю искусству потерял, водопроводным шлангом висить! А там, видать... труба!

И что поделаешь в этом дели? Бабья болость, она пристаёт почти ко всем, а мужикам это проблемы доставляет. Они уже не раз бивали доктора за то, что лечить всех подряд. А оно, если подумать, он-та тут причём? Придётся, сердешная,

вся крючком, ноги прямые, в коленках ня гнутся. Как тут не помочь? Ну и атхаживыить. Зато после сеансу, они от няво, прямо, как на крыльях улятають. Блаженные! Пыгляди на Анфиску, ох, хороша! Пряма Танькя Даронина! Смотрю на ние, и сердца моя заходится. И живёт одна. Иваныч, хочеш, свяду вас. У лекрыя-то "гипноз", какой бы ни был, а всё равно общественный, а у тебе индивидуальный. А они всягда хотять персональныва, потому как эгоисты все. Не теряйси, пылячи сердешную.

Я отрицательно качаю головой.

А "Танькя Даронина", услышав последние слова деда, опускает руку и с видимым интересом поворачивается к нам:

— Василь Илич, ты мене звал? — певучим голосом чирикает она, с "тоской и депрессией" смотря на меня, — я вот ишла мимо, слышу, вроде зовуть, ня ты ли?

— Нет, бяги куды мчалась, кура бройлерная! А то нядавно Сычиха, крючком согнутая, пробежала. Не иначе, как к петуху, лекрыю вашему. Бяги, лекарства не достанется.

— Ох, и змей же ты, подколодный! — шипит на деда Анфиска, — чяво ж ты мене зубы заговаривыишь, без толку?

И приподняв юбку, уже бегом, помчалась в необычную "больницу", к особенному "доктору". Прямо, как на крыльях полетела. Василий Ильич, с завистью и сожалением, маслеными глазами, смотрит "Жаконде" вслед, умиротворённо кивает головой и вздыхает: — Эх-х....

Простатит

Проезжал я как-то мимо знакомого живописного села. Говор там из смеси слов русского и белорусского языков. Здесь живёт дед Василий Ильич. Напоминает он мне чем-то шолоховского Щукаря. Я решил заехать к нему. Подъезжаю к его дому, а дед Василий на завалинке сидит. Поздоровался с ним, присел рядом, а Ильич рад покалякать с новым человеком. Настроение у него хорошее, даже весёлое. Значит, расскажет что-нибудь "этакое".

Я спрашиваю:

— Как жизнь-то, дед Василий?

Отвечает:

— А что жисть? Жизня у мене лафа: тепло, светло. А ти-перича и вовсе мёдом кажется.

— А что случилось сейчас? — спрашиваю.

— А то, огорчало меня, что жил один. А дед я ещё крепкий, в "силах", так сказать. А тут ещё простатит окаянный давно мне донимал. Болезнь дряная и с лекарствами терпеть ещё можно, но всю оставшуюся жизнь, как в платный туалет ходишь, потому как Прыстамол дорогой. А намерднi, в передаче о здоровье, озадачила Ленка Малышева. Она сказала, что длительное воздержание от половой жизни, у больных простатитом вызывает скопление какого-то сикрета во втором сердце мужчины и это приводит к онкологии. "О-о,

— думаю себе, — а сколько я терпел! Можить у мене уже целый литр набралось экскудата-то этого? Или рак уже!"

Я в больницу: болести нет, но железа увеличена! Значить, правда, скопилось.

Я к Малышевой, зы советом. Объяснил сихтуацию. Она говорить:

— Вам надо освобождаться от избытка сикрета во втором сердце. Ищите "сговорчивую" бабушку. Действуйте, а я вам как-нибудь позвоню, поинтересуюсь, как ваши дела?

— Постой, Василий Ильич, как это ты с Малышевой встретился? К вам в деревню приезжала что ли? Заливаешь, как всегда!

— Иваныч, ты пряма как с луны свалилси! Про Интернет слыхал? Про Скайп? У меня внук знаешь, какой пронырливый в Интернету! Там я и балакаю, она охотно со мной говорить и даже подшучивыить.

Я изумленно покачал головой: ну и дед!

— Ну вот, забыл, на чём остановилси....

— Ты говорил о разговоре с Еленой....

— ...А, вспомнил. Так вот, ей-то сказать просто, а как мне найти "сговорчивую" бабушку? Мои попытки установить более "тёплые" отношения с бабками-соседками, подругами моего юношества и взросления, получили полный отлуп. Чайкю попить некоторые соглашались. Но, когда я, как бы, между прочим, говорил: чайкю попьём, а там, глядишь и сообразим что-нить..., то ровесницы вскакивали и

убегали с выкрикиваниями моих характеристик, о которых я раньше и не подозревал.

Клариса, не первой свежести бабка, воскликнула:

— Ишь, чяво захотел, казёл старый! В жисти мимо ходил, а теперь надо ему! А когда мне надуть было, в мою сторону дажить не глядел!

Стешка ей вторила:

— А я по молодости сама ему на шею повесилась. Он мне целый месяц, на сеновале, сказки о любви рассказывал и показывал, как это делается. А потом слинял в армию и забыл о них. Ух, ирод! Пошли, я тебе вмиг вылечу от болячки: черкну ножичким и болеть будет нечему.

Третья, Мария-училка, сама интеллигенция, ей поддакивала:

— И я в то время заразилась им. Ох, как я страдала! Всё подушку по ночам грызла. За полгода изъела всю, а он в мою сторону вовсе не глядел. Я даже подмигивала ему. Несколько раз на коньяк приглашала. Не пришёл даже на халяву.

— Так жана же у меня была в ту пору, — говорю ей.

А она кричить:

— Ну и что жана? Не обмылок же у тебе, авось не измылился бы! Хватило и ей. А теперь, ишь ты, яму надо! А вот это не видал! — показывает мне два кукиша и говорить, — если бы могла ногами также сделать, показала бы тебе четыре шиша и голый зад.

Хател я ей кое-что сказать насчёт её задней части, ко-

торая и в одежде выглядеть клёпом, а уж голая-то, наверное, совсем... да передумал: мне не такие отношения нужны. Зачем усугублять ситуацию! Но всё-таки не вытерпел и съехидничал немного:

— Мария, сколько у тебе зла, наверное, подушки кончились!

Тут звонить мне Ленка Малышева:

— Как у вас с сердечными делами, Василь Ильич? Какая-нить бабушка пригрела вас?

Я объяснил ей ситуацию со старыми воронами и сказал, что, сколько не чирикаю с ними, в моё гнездо ни одна не спяшит.

А она говорить:

— В молодости перед девушками, наверное, соловьём заливались?

Я сознался:

— Дажить пел, ды ещё как пел! Высоко лятал. Жаль, — гыварю ей, — вас тогда не встретил. И вам бы спел, какую-нить арию аль сирянаду.

— А что же сейчас-то? — спрашивает Ленка, — голос потеряли?

— Удитория измянилась, — гыварю, — раньше мне окружали горлицы и голубки, а сейчас грачихи ды вароны. А я сверху донизу ещё сылавей. Не понимают они мыяво сексуальныва пения, болезненныва и страдательскыва. Что же мне теперь каркать по-вороньему!

— Надо учиться, — был ответ, — это же вам нужно, тем более что и доля ваша давно уже не соловьиная. Слушайте, о чём они каркают и как, и подпевайте им, глядишь, и примут в стаю, — учить мне Ленка. — А дальше уж всё будет зависеть от вашего пения.

Как шёл процесс моей климатизации в вороньей стае долго рассказывать. Скажу одно: научилси я каркать по ихнему и с профилактикой последствий простатита дело наладилось. И в моём доме стал появляться борщ и другие диликатесы, сваренные одной из варон, прошу прощения, пожилой поварихой.

А подкаркываю я им так. Сидим на лавочке, из дома выходить девушка: студентка, спортсменка, стройная, как кипарис. А Мария-училка, на которую я в молодости не обращал внимания, ну та, которая по ночам подушку грызла, увидев молодуху, каркыть:

— Смотрите, спортсменка пошла. А костями-то как вихлять! Госпыди! Чем вихлять-то? Ходилки из спины растут, переходной части между ними и спиной совсем нету. А ноги-то: спички, сделанные из сыксаул-дерева. А какие у меня по молодости были! Чай помнишь, Василь Ильич?

Я ловлю волну и по-быстрому с ответом, то есть, каркаю: — Да, Мария, ножки у тебе были как у Мерялины Монровый, из Парижу. Да они и сейчас у тебе, как у мировой кыралевы красоты. (Ох, как я кривлю душой! Ани у ние, как у кывыляриста, только что сошедшего с коня).

После мыяво каркыня, бабка Мария уже свысока поглядывыить на своих товарок и спрашиваить мине:

— А борщ-то мой не кончилси ещё у тибе?

— Всё съел, — всегда говорю.

— Ладно, так и быть, загляну вечером, что-нить состряпаю и "чайкю попьём".

Вот так и живём. Через какое-то время подкаркаю ещё и опять, вечером, Мария-училка, сама интеллигенция, придёт ко мне. Пожурить за бардак в доме, сварить фирменный борщ. Мы попьём чайкю, а там, глядишь и сообразим ещё "что-нить", потому как Мария тоже не считаить себя отработавшим мытриалым (материалом) и ни спяшить на свалку жизни. И мне это на руку. Разве плохо, когда лекарства бесплатныя и всягда под боком! А ночью, я — старый ворон, провожаю интеллигентную варону до её "гнязда": берегу своего лекыря от ночных собак.

Улёплый

Однажды, я приехал на лето в далёкую деревню Воронежской области. Особенность этого села в том, что всё население помешано на тараканьих бегах. А их великое множество в каждом доме. Для бегов там выращивают "скакунов" — тяжеловесов. Накачивают их всевозможным допингом, чтобы быстрее бегали или больше тащили груза. Как мне доложили: самый большой рекорд был, когда таракан-тяжеловес, весом в семь граммов, протащил на тележке груз весом в тридцать! Все родственники мужика ходили на ушах от гордости за своего таракана-рекордсмена. Говорят, пока он достиг семи граммов веса, съел полкило мяса и выпил стакан коньяка. Играют все. Сражаются везде и всюду. Мужики, парни, дети, ходят по деревне, а их рысаки всегда при них, в спичечных коробках. Играют с таким азартом, что аж "лицы" бьют друг другу.

...Устроился я в комнате и вышел на улицу, посидеть на завалинке с хозяином квартиры дедом Трофимом. При ближайшем знакомстве он долго тряс мою руку. Мы присели, старик сказал:

— Опоздал ты, Иваныч, с приездом. Надо было вчера приезжать, потому, как у соседей свадьбия была. А, да вон, кажись и женишок идёт. Представляешь, всю жизнь с другими обалдуями тараканьи бяга устраивал, а, поди ж-ты, жанилси!

По улице, опустив голову, с озабоченным видом, шёл молодой человек. Дед Трофим окликает его:

— Колькя, ты чаво такой убитый-та? Бяга проиграл што ли? Радоваться надо: жанилси, а ты ни вясёлый! Иди-ка к нам, посиди ды рыскажи чаво-нибудь.

Молодой муж поворачивает. Подходит, садится, вздыхает. Дед спрашивает:

— Ты чаво смурной-та?

— Ды чаво, всю ночь глаз ни сомкнул! Манькя не давала отдохнуть. Сивухи свякольной напилась, дура, вот и не спалось ей.

Дед подмигивает мне и спрашивает жениха:

— Што, всё время тынцавала от радысти?

— Если бы плясала, я бы уснул. А она всю ночь лезла ко мне. Я атвернусь от ние, так она с другой стороны лажится. Я ей говорю:

— Ды атвернись ты, не дыши на мене свякольным шмурдяком, знаешь же, что я не пьющий. Памру от твоего духмана!

Дед Трофим смотрит на меня, а в глазах у него слёзы от едва сдерживаемого внутреннего смеха. Спрашивает:

— Так чаво ж ей надо-то было?

Парень пожимает плечами:

— Ды кто её знаить? Ляжить, прижмётся и молчить. Только дышит часто ды лезить целоваться. А я сымогона не тярплю, прямо пымираю от яво запаха! Я её спихну с крова-

ти, так она с другой стороны — вот я...!

Гыварю ей:

— Чаво тибe надо? Зачем лезишь ко мне? На полу места мало? Не хочешь там, ложись тут, я пойду туда.

А она: "Мама говорила мне, что после свадьбы я должна лечь к мужу под бочок и прильнуть к нему".

Я отпихиваю её и говорю:

— Зачем прижимаисси ка мне? Здесь и без тебя жарко, терпения нету, а тут ты ещё, как печка полыхаешь свякольной сивухой! А мая мама говорить, что, если лёг в кровать, значить спать надо, а не рукаблудить! Так что ничяво ты не должна. Иди отсюда на пол и спи! А то дышишь, как Змей Гарыныч напалмом! Отравить меня хочешь или сжечь? Чаво ты привязалась, как сумашедшая?

Плечи деда Трофима трясутся от сдерживаемого смеха. Жених продолжает:

— ...А она говорить опять: "Ня знаишь ты, что после свадьбы бываить?"

Я говорю:

— От такой сивухи спяť все пьяным сном. И ты ложись и дрыхни.

А она: "А ты-то ня пил! Чаво ж тибe-то спать?"

— Чтo же, — говорю я ей, — тараканов мне ночью ловить што ли?

А она: "Так и я ня сплю, чтобы тибe не скучно было. Вот и давай рызвлякаться вдвоём. Для этого я и ложусь к тебе".

Я ей объясняю:

— Да ты что, сбоясилась! Все спать, а мы с тобой включим свет и будем тараканов гонять! Да? Ды они ночью и бегать, как надо ня будут. В такое время сыревнования с ними никто не делыить. Какие же в темноте бяга? Сразу видно: ничяво ты в этом дели не пынимаешь! И ня жмись ко мне, жарко, — я опять спихнул её с кровати на пол.

Тут дед Трофим не выдержал и начал смеяться во весь голос. Тараканий управляющий с подозрением смотрит на него. Спрашивает:

— Ты чаво балдеишь, дед? Што я сказал смяшнова? Не ведаешь, что тараканы бяга устраивают днём? А пычяму, знаешь?

Старый отрицательно качает головой.

Парень:

— Эта пытаму, что тараканы твари ночные, а днём, при свете, у них стресс бывать и потому ани от няво быстро бегють. А эта дурочка хочет ночью бяга устраивыть!

Дед отсмеялся и спрашивает:

— Что же вы так и проговорили всю ночь про тараканов?

— Ды нет, изводила она меня по-всякому: то целоваться лезить, то верхом устроится, то прижимается ко мне и всё малчить, и вздыхаить. А мне жарко от неё и задыхаюсь от сивушнова духмана.

Я уже на ние гавкаю:

— Сколька разов тебе говорить, что бы шла от меня! Я

тебя не звал к себе! Что ты мою душу изводишь?

А она спрашивать: "Милый, о чём же ты сейчас думаешь?"

Я ей говорю:

— Об том, как мне обойти ны бяха Васью Кривова! Тыракана его — Мамынта. Мой-то чижиловес хоть и прозывается Мостадоном, но вижу я, что он слабее яво!

А Манья мне: "Количка, ну зачем ты ночью мыслишь аб этом?"

Я говорю ей:

— Во, а когда же думать, па-твоему? Днём уже бяха, а вот ночью и надо придумывать разные стратегии.

А жана мне пытаить, надо же придумать такое:

"Дорогой, можить ты улёплый? Возможно, шарики у тебя не смазаны, или тяжёлое что, когда, на тебя уронили? Потому низ-то и не работает! Отчего же ты такой копоткый?"

Я не соглашаюсь:

— Никакой я ни тугой. Пусть будет па-твоему: наловим тараканов сейчас, но бяха сделаем днём, чтобы стресс у них произошёл от света....

Трофимыч перебивает жениха:

— Колька, ты откуда шёл?

— От Маньки. Она ночью убяжала дамой и сейчас ни пошла со мной. Прямо не знаю, как уговорить её вернуться ко мне!

Дед поучает:

— Ты пойдё к отцу и поведай обо всём ему. Он подскажет, что тебе надо делать.

"Колька" обрадовался:

— Правда? Он знает?

— Конечно. Ня знал, ты бы не появился!

Радостный жених побежал домой. Дед Трофим покачал головой и произнёс:

— Что тут скажешь?

Улёпый, он и есть улёпый!

Синенькие (баклажаны)

Как-то довелось мне проезжать мимо знакомой деревни. В ней время приостановило свой бег: и природа, и люди другие, а уж говор их, деревенский, как нигде. Решил я заехать к моему другу, смешливому деду Василию Ильичу. Скажет иногда такое, что хоть стой или падай. И не поймёшь, шутит он или всерьёз.

Подъезжаю к его дому. Старик сидит на завалинке в окружении двух женщин. Увидев меня, обрадовался, замахал руками. Подхожу, поздоровались за руку. Сажает меня напротив себя, на стоящую табуретку. Лукаво поглядывая на меня, говорит:

— Иваныч, ты городской, рассуди нас. Вот бабы говорят, что ат пьяниц толку нету в сексыальным смысли. А я всю жисть выпивал, а ихнего брата полсела пыдо мной перебывало. Как жа так, а? Игде же она, правдивыя филасохфия?

"Ну, — думаю, — Василий Ильич в своём ударе. Любит женщин поддевать".

— Ну, пынясло! — возмутилась одна из них, — у тебя всё одно на уме! Старый ведь, пора забыть бы уже о том, что было когда-то.

— Ну да! С вами забудишь! Ходите тут, одна лучше другой и все без мужиков. Сярдца мои толька трявожитя!

— Можно подумать, что их у тебя два аль три.

Василий Ильич поглядывает то на одну, то на другую, хочет:

— А как жа! Уж вам-то ня знать, замужем-то обе были! У мужиков одна сердца ны сваём месте, а другая внизу и ей сложней грудной. Пытаму, как должна работыть при любом состоянии хозяина: тверёзым или пьяным. А это трудно, но она всягда работыть, сам знаю — хотя и выпивал много!

— Ды што ты всё алкашей расхваливыишь? — возмущилась сидящая слева от деда женщина Нюрка, — ничяво у них не работыть! Я двадцыть лет без мужика и всякое была. А с пьяными никогда не получалось. Мучиють толька бесталковыи, алкаши проклятыи, ни у кого их сярдца ня быются. Ихнее хозяйство давно уже самих-то ня греить: крючком висить, посморщилось и всё сининькия...

Мимо нас, показно, спешит уже немолодая, приятная женщина — Анфиска, по местному. Я её знаю. Василий Ильич, в ранние мои приезды, познакомил с ней и расхваливал, и жаловался одновременно:

— Пыгляди ны Анфиску, Иваныч, ох, хороша! Прямо Танька Даронина! Смотрю я на ниё, и сердца мая заходится. И живёть одна.... ццц, ан не могу: ни всягда типерь жалания с возможностями сывпадают! Вот до чяво дожил!

...А сейчас, услышав последнее слово Нюрки: "сининькия", "Танька Даронина" резко останавливается и, не дав ей закончить свою мысль, вклинивается в разговор:

— ...А я люблю синенькийи во всяком виде: и кривыя, и

прямые! Какая разница, всё равно с них шкуру срезать и на куски шинковать. Их можно и пожарить, и помылировать. Во всяком виде они хыраши и приятны. Очень даже хороший фрукт, хоть и морщится всегда.

А Нюрка заканчивает свою мысль о алкашах:

— ...а уж как воняют от них!

Анфиска делает удивлённое лицо:

— Ты что ты гываришь, Нюрка? У них своябразный запах, а как по мне, так очень даже хороший и приятственный.

— Ты у тебе и все алкаши славные, потому што сама пьяница! Стаишь, буробишь ня знамо што! Принимаишь всех подряд, особенно, если с бутылкый. Тебе всё равно, синия у них али фалетовое (фиолетовое). Нажрётесь, ды спать! Тут уж ни ды баклажанов.

— Чтой-та я ни пайму. А ты-то чяво болтаешь пра сининькии? Если ня любишь их, чяво зря хаишь? А я употребляю их ва всяком виде и они у мене жаланные и ны столе, и в подвале. Я их даже на зиму мылирую (мариную).

И как бы только увидев меня, улыбается и здоровается:

— Здрасти, Пётр Иванович!

— Здравствуй, Анфиса, — и подхваливаю, — ты всё хорошеешь!

У красавки ходуном заходила грудь, и она говорит, жеманясь:

— Зашёл бы как-нибудь, Пётр Иванович Знакомы давно, а всё абходишь мене. Я бы тебе мылированными сининькими

угостила, ох, хыраши! Один дух чего стоять!

— Нечего ему у тебя дельть! — встряла в разговор женщина, сидящая слева от деда, — он порядошный и ня пьющий, и уж наверняка ещё ня сининький, — и женщина, кокетливо взглянув на меня, поправила волосы.

— Ды што ты взялась: сининькии ды филетовыи! — возмутилась Анфиска, — что тебе их силой в рот пихают, что ли? Ня хочешь, ня ешь! А я ат сининьких прямо мыладею и дажить похудела.

Она томно и призывно погладила бёдра:

— Смотри, какие! — ни силикона, ни сылафана, а! — Анфиска, словно на подиуме, медленно повернулась, демонстрируя прелести под обтянутой юбкой. — Василь Ильич гыварить, что вскоре можить стану моделью мировой извесности!

— Вот сучкя, какая, а! И ня стыдно тебе! — возмутилась женщина сидящая справа от деда, — пряма силком тянить мужика ны сваи "сининькии", как будто ани у ней одной есть!

— У тебе они пыкупныя, а у мене сваи, — не обращая внимания на оскорбление, возразила Анфиска, — а их вырастить, уу! Один жук кыраладский чяво стоять! Я сутками радею над ними.

Зарождающаяся знаменитость взмахнула руками, показывая, как она заботится о баклажанах. Её оппонентка громко засмеялась:

— Не над ними, а пыд кустами и с бутылкыю в руках! А эти врядители, видна не любят сивушный дух, ды который идёт к тому же из трёх труб.

— Ну, что ты брешешь, Агнюшка! — возмутилась будущая "мадель", — увидала раз-два, так теперь и насовсем прописала под сининькими. А я, можить, просто зыгарала на огороде. Почём тебе знать?

— Да, — с бутылкою в руке и с голой задницей, из которой, как из паравозу дым, шёл сивушный запах. Какие уж тут жуки! Они ны маём-то, соседнем с твоим, огороде, ны картошке, все подошли! Вот за это спасибо тебе, ни разу за лето, не травила их!

— Ох, и курва ты, Агнюшка! Всё высмотрела, нябось, все глаза прыглядела, сучья! А о каких трёх трубах ты брещишь?

— Так, на огороде, с тобой ещё Колькя Пискарь и Митькя Сучок ляжали и тожа с голыми задницами. Вот вы и дули в три дымохода после сивухи. Полсела сматрели и слыхали, как вы "гукали" в бороздах!

— Иихх! — издала воинственный клич Анфиска и запустила руки в волосы Агнюшки, — ах, сучья! Щас я тебе пабрею твои патлы. Будешь знать, как подглядывыть за соседими.

Женщины грузно свалились с лавки. Агния тоже была не промах. Она также схватилась за кудри Анфиски, но не кричала, а выдёргивая их пучками у соперницы, пыхтя, приговаривала:

— Ах, ты кура бройлирная! Сичас я атважу ат тибє всех вонючих петухов! При тваём виде, они дажить сы сваим синим хазяйством, стороной обходить тибє будуть!

Тут на лежащую сверху Анфиску упала Нюрка:

— Атпусти подругу, сучара! Ты за что в ниё вцапилась? За правду! — и давай тоже рвать космы конкурентке. Та взвыла уже в два голоса.

Я вскочил с табуретки и с криком:

— Женщины, что вы делаете? — кинулся к амазонкам, но меня придержал за рукав Василий Ильич.

— Не лезь, Иваныч, а то и ты получишь. Когда бабы дярутся, мужику лучше зрителем быть. Ани пачти каждый день на селе сражаются.

— Но как же, Василь Ильич, посмотри, волосы пучками летят.

— Ничяво, новыи вырастуть, а они завтра, как ни в чём, не бывало, рызгаваривать будуть. Не обращай на них внимания.

— Ну, тогда мне пора, — сказал я.

— А может, чайкю? — спросил-предложил дед, — по-пѐм, ды на бясплатный концерт посмотрим. Они долго ещё будуть валтузить друг друга.

— Нет, спасибо. Василь Ильич, ну сделай что-нибудь с ними. Смотри, что творится! Нехорошо-то, как вышло.

— Сичас я их утихомирю, не сумлевайся, Иваныч. Язжай спокойно. Ды ни забывай деда, праведывый. Видишь, как у меня интересно и весело!

Я шёл к машине. Сзади слышались вопли Нюрки:

— ...я тебе так атделью, что сама сичас вся сининькия будишь!

О Парамоне Жуковском

Рассказы о сельском пьянице. Его логика, любовь, видения.

Весна. Тепло стало. Выгнал я из гаража свою "семёрку", решил "поковыряться" в ней. Подходит ко мне Парамон Жуковский, мой сосед по улице, живёт недалеко от меня. Две сущности в одном лице: алкаш тёмный и лодырь, каких поискать! Сейчас ему скучно.

— Здорова, сусед!

— Привет, Парамон!

— Ты чяво, решил машину наладить?

— Да, надо, — говорю, — кое-что посмотреть, подрегулировать.

— Ох, а мне сы сваёй Шкодией прямо никак некогда заняться.

Мне становится смешно.

— Чем же ты занят, Парамон? Ты не работаешь, дома ничего не делаешь, двор, как после войны.

— Ды в бяхах я целыми днями, Иваныч, попробуй найти выпить сичас. Ага, дураков уже нету, просто так нихто не нальёт. А работы неохота. А тут все, как с ума пыисходили: исделай то, выручи в этом, потом налью! Особливо бабы одинокыи, проходу не дают. Нашли работника, ага!

Я теперь ни сексыальна, ни физичецки трудиться, ни магу. Слабодный я сичас человек! А от работы, дажить лошадидохнуть, а я существовать хочу и сивушку пытряблять. Вот и получается, что каждый день, с утра и до ночи ищешь халяву.

— А как же другие, Парамон, работают, имеют деньги и живут.

— Эх, Витькя, ды разве жисть эта? Ны работу, ды с ниё, атдохнуть неkyда, а ночью спать, снова не переводять дух. Ну и зачем мне такая жизнядеятельность? Я люблю культурию: сесть игде-нибудь на природи, выпить, закусить. Витькя, ты не представляешь, хырашо-то как, блыгадать-то какая!

— Да почему же, представляю: кругом всё завалено мусором от ваших культурных "атдыхов"!

— А-а, опять ты за свою воспитанию. Ох, и нудный же ты, Витькя!

Слыша наш разговор, подходит мой сосед с другой стороны:

— Здорова, мужики!

— Привет! — здороваается Парамон.

— Сматрю, толпа собралысь, дай, думаю, схажу, пыабщаюсь. А ты, Виктыр Ваныч, ряшил значить машину падделывать? Ох, мне бы тоже надо в своём Мерине пыкывыряться ды всё неkyда. Руки не доходясть, жана покоя не даёть.

У соседа Николая Мерседес, наверное, ещё самых первых

выпусков. Штирлиц позавидывал бы на это ретро. Ржавый весь, на чём только всё и держится. За четыре тысячи рублей купил три года назад: два раза выезжал из двора.

— На свалку, жирыбца твояво рыжева, ржа яво всяво проела, — говорит Жуковский, — названия адна астались! — ехидно смеётся.

— Ох, рызашёлси! Твоя-то Шкодия недыляко от мыяво ушла: вся перекособочиная после аварии! Она и ездить-та будить боком.

— Какая бы ни была, она пачти новыя и мене задарма досталась. Ды и делать там почти нечива: кырло зымянить, ды фару поставить новыю. Зато ана сильней тваей развалюхи.

"Шкоду" Парамону подарил местный фермер. Мужик глупенький, но в процессе эксплуатации сельчан себе на уме. Имея хорошую Шкоду, пьяным попал на ней в небольшую аварию и сделал "широкий" жест. Тут же, на месте происшествия, подарил её первому встречному, а им оказался Парамон, сельский пьяница. Теперь Жуковский не знает, что с ней делать: ездить нельзя и на ремонт денег нет. Но выход он нашёл: спит в ней, когда пьяный.

"Разговор" продолжается:

— Это, пычяму она сильней? Не может такого бысть: твоя Шкодия из Чехии, а мой Мирсядес из Ярмании. Пынимаешь, из какой дяржавы! А немцы всягда и везде первыми были. И вообще: сколько у тваей Шкодии цилиндров?

— Ну, шесть.

— А лашадьев сколько?

— Сто двадцать. А у тебе?

— У мене чатыре цилиндра и сто жирябцов! — говорит Николай.

— Ну, и чяво ж ты споришь са мной? — кипятится Парамон.

— А ты пысчитай, — разволновался владелец "ярманской" марки, — сколько лашадьев приходится на адин цилиндр? У мене: сто разделить ны чатыре — двадцать пять. А у тебе: сто двадцать на шесть — двадцать, — считает он при помощи карандаша и пачки сигарет. — Панял, теперь, что мой Мерс сильней тваей Шкодии! — Николай подмигивает мне. — Ды к таму же у тебе кабылы, а у мене мерины. А они, сам знаешь, всягда сильней них!

— Пычяму эта у мене кабылы, а у тебе жирябцы? — возмущается Парамон, — в маторе все лашады одинаковыи.

— Ды ты прислухыйси, звучить-то как: Мерс! Бенц! Слышишь, Мерс! Пачти как Мерин, а завуть яво, значить, Бенцым. Так што твая Шкодия не чята мыяму Мерсядесу!

— Интересно, как ты считаешь! Чую, што ня правильно, а понять ни магу. Как же это так: лашадыв больше, а машина слабей! — Парамон озадаченно чешет голову, не может сообразить, что его машина сильней аж на двадцать "кобыл", как говорит Николай.

Жена зовёт его домой. Он говорит Парамону:

— Ну, ты сыбражай, а я пайду. Моя образина зовёт мене,

баится, что напьюсь. Пьяный-то, сам знаешь, какой дурной бываю!

Солнце пригревает. Парамон взял из гаража большой картон — упаковку от холодильника и растянулся на ней рядом, на солнышке. Слышу, запел на мотив песни "Я сегодня ночевал с женщиной любимой...": "А вчяра я пыгулял, с Галькей Пыртунисткою, ничяво не повряждал, и ушёл с улыбкою".

Я спрашиваю его:

— Парамон, что за песенку ты исполняешь?

— А это я паю про то, што у мене ны душе. Чукча, например, поёт пра то, што видить, едя на оленях, а я пра что было.

— И что же у тебя вчера случилось?

— Ох, Витькя, ни паверишь! Вечером, заманила бутылкой мне к себе Галькя Пыртунистка, знаешь её? Хотя и пьяница, а по мне приятственная: дюже по душе она мне. Любил бы я её, если бы.... Выпили мы с ней зелья, попели песняка про любовь, пообнимались и уснули, ды на всю ночь.

Утром встали, а ана мне пытаить:

"Пырамошка, а ты мне ночью-та, ничяво не исделыл? Гляди, алименты платить будишь! Сичас знаешь как: ня сам, так через суд, всё равно уплачивать заставють, ды ещё и за границу ня выпустють".

— Во, акула зубастая, людоедка, какая! Я ей гыварю:

— Ды ты што брешешь-та? Я, почитай уже пять лет, как савсем безвредный для вашего брата! А ты мне вон, какую

статью привешиваешь, пьяница сексыальные! Ты ничяво не сваливай: са мной ня выйдить! Любая кыспяртиза сразу докажить тебе, что я давно уже никудышный. И по сексыальному вопросу мне дажить голый бабий вид ни волнуить.

Объясняет мне:

— Ды это, ещё, я ей так сказал про пять лет, штобы не считала мне савсем никудышным. А на самом дели я ничемный больше, годов десять уже! Грушка-то, от мне из-за этого ушла. Сивуха всю силу мою мужицкую зыбрала. Так что мне уже давно ничем не прошибёшь.

Я уже не мог ничего делать после смеха. Говорю Парамону:

— А зачем ты к ней зашёл? Позориться? Знаешь поговорку: "Кто с алкоголем дружен, тому... (щелчок языком) не нужен!

— Ды знаю. Так она же мне бутылкый пыманила. И ня лез я к ней, просто так, полапылси, ды и всё. Так сказать, душинькю отвёл!

— А как она реагировала на твои "изыскания?"

— Ды никак, што ей, она спала пьянищая, ни ды тово ей было. А ты знаешь, скажу я тебе сикрет: она трусцы не носить, зараза!

Утром, я ей говорю:

— Галькя, ты пычямю без штанов ходишь, дурычкя? Как жа тебе ня стыдно! Ты как нагибаисси, так вся твая гянталия видна!

А она мне и отвячайть:

"Дурак ты, Пырамошка. Вот был бы ты мужик путёвый, такие вапросы не задавал бы, а действывыл. Чяво сичас разговаривыть зазря. Прыбистолковилысь я толькя с тобой!"

— Это, значить, она мужиков так раздражаить и завлекаить. Тьфу! Вот сучкя-то кыбялиныя, а! И Пырамошкой мне назвала со зла. Знать, что я сильно не люблю когда мне так кличуть.

Витькя, ты вот скажи мне: пычяму люди такие глупые бывають? Присваивыють своим дитям вот такие дурацкие имена: Пырамон, или как у моей бывшей супруженции: Грушка! Ещё бы Яблыком или Свяклой назвали. А ещё знаю дваих мужуков: аднаво Явлахом зовуть, а другого, он уже дед, Козолупом. Будто он козу всю жизнь лупит. Во, имечко-та! С ума сайтить можно от этаких имён и хто их толькя выдумывает? Я решил узнать и спрашивыю этого деда:

— Что ж табе родители такую имечкю, присвоили? На смех, што ли?

А он рассказывает мне интересную историю:

"Раньше, когда я был малым, имена дитям давали попы, при крещении. А мой батя "подъехал" к попадье, она сама была не против. Свяченик празнал аб этом и назвал мне Козолупом, в отместку отцу, значить. А я когда вырос, так чуть не кастрирывыл попа за это: одну половину гянталии отхватил ножичком, другую добрые люди отстояли, не дали, отбили яво у мне. Судья потом чуть ня помер ат смеха и

посадил попа за издевательства над простым человеком. Вот, как бывають! Бедный дед, всю жизнь прожил в хохоте людском.

Я едва отошёл от смеха, даже горло заболело. Говорю Жуковскому:

— Успокойся, твоё имя звучит очень солидно: Парамон Карлович, даже как-то не по-русски. Твои родители не глупые были. Видимо, подбирали, чтобы созвучно было с отчеством.

— Ты взаправду так гываришь или смеёшься ныд моей бядой?

— Конечно, серьёзно, в таких вопросах шутки неуместны.

— Ух, ну ты мне прямо успокоил нямного, а то я всю жизнь недоволен был и часто родителей нядобрым словом вспоминал....

Мимо проходит малознакомый мне мужчина, приветствует: "...Асьте!"

Парамон спрашивает меня:

— Витькя, ты знаешь, пычаму Ванькя сказал тебе "Ась-тя", а не "здрасте"? Он букву "Рэ" не произносить и вместо "рубли", гыварить "дяньга". Поэтому его и завуть: "Двадцать пять денег"! К тому же, двадцать пять рублёв, это четвертной, снова "Рэ", понял? Раньши, когда я был путёвым и дяржал хозяйство, была у мене корова блудливая. А Ванькя, в это лето посадил у себе на огороде просу. Пшённую кашу он сильно любить, молошную, а молоко у мене брал. И вот зашла моя пройдоха к няму в огород и трескыить яво просу.

А ведь ани меньше сажрут, чем патопчуть.

Гляжу: бязить ка мне Ванькя, он коров боится и весь аж синий стал, а сказать ничяво не можить. Слова-то, какие: огород, корова, просо, пожрала, заberi — везде Рэ надо говорить! Вот он с лица-то и смянилси, как восьминог всё время цвет свой менять! Пыхтел, сапел, а потом как закричить мне:

"Пымошка! Вазьми свою муму, она маю пшено паела, скотина эткья! — и кричить по гярмански: — шнеля ходи!"

Вот ведь как извярнулси, гад, прямо и не придумыишь нарошно! Разве так скажешь, без осмыслению? А сичас он говорить без запинки, но "Рэ" никогда ня скажить. Кирпичи называет: "маленькие саманчики". Во, ушлый какой!

Паслухый, Витькя, у мне прямо из головы не выходить, как же это Колькя так насчитал пра силы лышадиныи! Как же это так: у Шкодии их больша, а машина слабей его! Да и цилиндров у маей шесть, а у яво Мирсядеса чятыре!

— Парамон, да количество "горшков" здесь не главное, он упёр тебя в это, а ты и заиклился. Главное мощность двигателя, твоя, конечно, сильнее его.

— Ды я и сам так же думыл, а он мне видишь как ловко глупым иседелыл! Ну, ладно, пошёл я в бяга, гонить мне ня-чистый, кайф мой уже праходить. У тебе ничяво выпить-то, нету?

— Нет, Парамон, я же непьющий.

— Ды вот и плохо, ты хороший чилавек. Выпивал бы, гля-

дишь и мне нет-нет, ды и перепадало бы. Неужели ни налил бы, а, Витька?

И Парамон "ударился в бяга". Пришло время подкармливать эгрегора пьянства.

Йети и Парамон

Заглянул ко мне как-то Жуковский. Я угостил его чаем. Он кривился (градусов нет), но пил. И рассказал мне такое, от чего я едва не умер со смеху. И начал он так:

— Эх, Витька, в какую сихтуацию я нядавно попал! Пряма, как в телевизири побывал. Типерь вот в них много гыварять о разных яномальных случаях, таких как еНЛО, инопланетяни, снежныи чилавеки и так далее. Простые люди уже запоминають некоторые случаи, названья. Вот и я, обныкнавенный деревенский мужик, два дня назад смотрел по тиливизиру передачу про снежных обязьянов: ЕТЫ (Йети) они прозываются. А вчяра уже пывстрячалси с ними... Чаво ты смиёсси? Я толька начал, а ты уже.... А встретилси я с ними по причине моей сильной любви к сымагону. Обожаю я это дело, а что: имею право! Я взрослый, можно дажить сказать, пыжилой уже, думыю, что заработал себе свой культурный отдых. Эту мероприсятию я сильно люблю и мине теперь мало нужно для кайфу. Вот раньше, да! Пока нальёсси, вволю ныстрадаешьси. Сичас крысота: три стаканчика и вот она, культурия! Значить, дело было так.

По причине сильного хотения выпить, пошёл я х куму, в соседнее село. Он у мине хароший, тожить культурный и всягда найдёть бутылычку шмурдяка. Пысидели мы с ним, попели народныи песни. Куманёк налил мне на дорожку фу-

фырик. Взял я калбаски ны закуску и пошёл домой. А пока я нахожусь в культурным сыстаянии, то иду абычно долго. Потому как любая кривая, по-всякому длинней прямой, как правильно утверждать учёный по гиаметрии, забыл его фамилию. . . . А-а, вспомнил: Джакартым он прозывается. Не русский видно, а умный, такую правильную тиарему атписал. Я её всягда вспоминаю, когда в культурыи иду домой. А иттить, иногда и ползти, приходится через овраги, сильно заросшие кустами и деревьями. Стенки у них крутые, а бывають и с водой.

И вот, значить, плыву я себе спокойно в одном буераке и пришла мне на ум передача о ЕТАх. Жалко мне их стало до слёз: дикие, грязные, все за ними гоняются и ни кола у них, ни двора! А уж выпить и подавно не с кем: самих-та их мало, когда встретишься друг с дружкой-та? Да и выпивка, когда надо, ни всягда бывать пыд рукой, по себе знаю. Со всех сторон выходить, что бедные они, жалкие. И думаю я: "Эх, кабы с ними встретиться, я бы налил им!"

Выбралси я на край оврага, а рядом другая яма и ничяво в ней ня видно, один лес. И слышились мне, будто хтой-та мычить, вроде страдать! Огляделси, никаво нет. Ну, думаю: "Бялуга-курва гдей-та рядым ходить, глюказиды свои ны мне напускаить! Завладеть, значить, маеё "крышей" хочить! Зря стараешься, сяврюга, не отдам я тебе просто так свой чярдак!"

Слышу, апять из оврага стонають. Перевалился я через

край и вмиг оказалси, где надо, в кустах. Лапнулси зы карман, панфурик на месте. Мине сразу и тяплей стало: не потерял драгоценныя! Взглянул, мать чясная! А в прямке два ЕТА спрятылись: мужук сы сваёй бабой. А она раждаить значить, пытаму и стонить, бедныя. Я это сразу увидел, пытаму как опытной в этих дяхах: каждый год у овец роды принимаю. Вот и она: ноги зыдрала, а из шерсти ничяво ня видно. А её мужук схватилси руками за голову и мычить, ня знать что дельть, значить! А можить ещё и в первый раз! А эта дела страшныя пыначалу, опасливыя для бабы.

Увидал ЕТ-мужук мине, иделыл зверскую морду и припаднял сукастыю палку. Наверна не узнал сразу: а я весь заросший, ня бритый, как и он. Ды и умываться в последнее время некуда — с гылавой в культурыи был. А вообще-та мине все черти в акруге знают, не говоря уже о кыблях. И я, канешно, зыбаялси: гылава-то у мине ня тыква.

Гыварю яму:

— Пыдажди, дурак глупой, аль ня знаишь мине? Это же я, Пырамошка Жуковский. Я смирный, драться с тобой ня буду, на кой ляд ты мине сдалси! А я можить, пымагу вам в этом деликатным дели! А хочешь, — гыварю, — налью тебе, у мине и закуска есть! Видишь, мяса какая: кылбасой прозывается она.

А ЕТ, здоровенный такой мужук, молчить и сурово так смотреть на мине, не желает жрать, значить. Оно и понятно, откуда он пры кылбасу знать-та можить! Яму, небось,

свежую мясу подавай. После мыяво разговора с ним, он нахмурился, прикрыл тоскливыи глаза, но палку опустил. А баба яво ногами сучить и молчком стонить, жалистно так. Ды ещё, наверно, мне, чужого мужука стясняится, хотя и не глядить в маю сторону. Я гыварю мужуку:

— Ни боись мне, я хороший чилавек, всё пынимаю, ня монстр жа! Скажи бабе ны сваём языке: пусть кричить сильней, быстрее вылизить! Наши все так дельють. Оруть, как оглашенные! Так пыцаны сами от ихнего крика выбягають и со страху так вопять, что хоть уши затыкай!

Вижу, напрасно я яму толкую, ни пынимаить он мне! Сидить, за башку сваю глупую держится и мычить, страдаить значить, а я ихнего языка не разумею. Вот бяда-то, ну как с ними рызгаваривыть! Решил я его баби помочь, а ана вся выласатиция, ничяво ня видно. Не поймёшь дажить, откуда вылезать будить ЕТёныш. Подполз я поближе к страдалице, толкнул её и гыварю:

— Ты пычяму не вопишь, дура непутёвая, в первый раз что ли, раждаишь, глупая! Ори сильней, гарилла бисталковая! Он ошалеет от твояво крика и сам бягом выскочить, ещё и ловить придётся. Давай я пыманю яво к себе руками, он сыблзнится, ды и покажется, а я яво за голову-то и поймаю!

Полез я к ней, а ЕТ, кааак хряснет дубиный пы маеи пы голове, ды без предупрежденья! Зырезнавал к сваёй бабе, значить! Пытямнело у мне в глазах: неба упала на землю и

огоньки ферверком кругом запрыгали. Тут я как зывапил ат боли и ат внязапнысти, нязнанья, что он мне сичас дубиный приласкаить. А ЕТиха, наверно, испужалысь мыяво рёва ды разом и "выплюнула" ЯТёнка: прямо бягом выскочил! А я когда оклемалси, гляжу: а он такой же, как наш и дажить похожий на мыяво внука. Такой же сморщенный и гылава, как сухая груша. Разница толька в том, что мой внук был раздетый, а этот весь в шерсти чёрной, кроме лица и ушей. А уши у няво были голые, розывые и прозрачныи, прямо как слюда.

— Вот видишь, — говорю я ЕТу, — с криком-то всягда проще. Наши-то бабы, они ня дуры, что оруть, как резиныи. Говорил же тебе, что пымагу: ня монстр же я, пынимаю, а ты мне дубиный вместо спасибо.

Гляжу, а этот дурак исделал бешеные глазищи и снова пыднимаить надо мной свою орудию. Не разумеет изверг, что не ндравятся мне такие процыдуры, гылава от них у мне кругом идёть.

Я яму кричу:

— Чяво ж ты дедыишь, гад, так значить, блыгыдаришь мне за то, что я помог тваёй бабе и тебе обрести сына живого! Видишь, как быстро она опрасталась с маёй помыщью! Что-бы ты делыл без мне? А он, абязьяна эта, не пынимает мой говор. А тут ещё ЕТиха вскочила на ноги, схватила ЯТёнка ды как закричить не своим голысым! Ну и, конечно, ЕТ ня выдержал такого крику и вдругорядь каак жажнул дубиный прамеж рогов моих! Есть они у мне. Моя баба исделала их,

когда по курортам, ды по сынаториям разъезжала. Сама сказала. Ды я, когда в сильной культурии ныхажусь, всягда вижу их. Развесистыи, как у харошева оленя! На этот раз мне пыказалось, что я лятаю сиредь звёзд и что там же, теперь, сам раждать начал! Кружусь и смотрю, а ЕТ опять стоять надо мной, зыркает своими глазищами и молчить. Чую я, что он мне можить и третий раз пыблагодарить. Кричу ему из космысу:

— Што ж ты прырабатьвынешь-та, шинпанза переросшия, ведь убил ты мне насовсем наверно, да и больно к тому жа!

А у няво как полились слёзы: жалко, значить, чужого мужука стало — убил! А што яму больше скажешь: неразумныи они, так пра них по тиливизиру говорили. Но у мне своя мысля есть насчёт ума ихнего: бесталковыи, а детей умеють делить! Какие жа после этыва ани дураки! Тут тоже целая наука нужна. Сичас я, конечно, забыл её, но кое-што ещё помню. В этом деле мы все учёные когда-то были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.